

тый на все земли курский соловушка. Пел долго — долго, вышибая слезу у солдат.

Снова раздался вой и взрыв, когда дым рассеялся не было ни старой яблони, ни соловья.

А потом мы пошли в бой за Родину и за курского соловья.

Где бы я ни читала этот рассказ, его одинаково с интересом слушают и взрослые, и дети. В памяти он остается надолго. Часто, когда приходят выпускники, совсем взрослые люди, говорят, что помнят «Соловья».

Г.Гончаренко

В госпиталь, как на работу

В марте 1943 года жители Леоновки восторженно встречали бойцов Красной Армии. Всеобщей радости не было границ. Каждая семья приглашала на ночлег воинов — освободителей. К нам пришли человек двадцать. Бабушка поставила на стол все, что было в доме съедобного. Бойцы ели, пили, смеялись, рассказывая о том, что бегут фрицы с земли русской...

От моего папы не было с фронта известий полтора года. Я спросила у немолодого бойца, знает ли он Ивана Петровича Гончаренко. Тот посмотрел на меня ласково, погладил по голове и серьезно сказал:

— На днях я разговаривал с твоим папой. Живой он, привет тебе шлет. Жди, малышка, вернется отец с фронта, обязательно вернется!

Поверив каждому слову доброго солдата, я была самой счастливой девочкой на свете...

В апреле в теребужской школе разместился госпиталь. Я помчалась туда искать папу среди раненых. Обошла все палаты, но его нигде не было. Мне было до слез жаль забинтованных, беспомощных бойцов. Очень хотелось сделать для них что —нибудь хорошее, поэтому когда раненый в руку солдат попросил меня написать письмо его жене, я с радостью выполнила его просьбу. Желающих продиктовать их оказалось много. Каждый день я приходила в госпиталь, как на работу, часами писала весточки домой, не обращая внимания на усталость, забывая о еде.

Однажды тяжелораненый солдат слабым голосом подозвал меня к себе и попросил, чтобы я или стишок рассказала, или песенку спел —

ла. Выступать я любила с детства, еще когда детский сад посещала. Раненый говорил по — украински. Примостившись на краешке его кровати, я запела «Ничь така мисячна» — папину любимую песню. До войны я жила на Украине, а осенью 1942 года мы с мамой пришли в Леоновку. Я пела, а по щекам взрослого дяди текли непрошеные слезы. Оказывается, ему ампутировали обе ноги выше колен. По — детски, как подсказывало мне сердце, я успокаивала его, говорила, что дети будут любить своего папочку и без ног.

Раненым понравилось мое пение. Они наперебой благодарили меня, хвалили и просили еще спеть. Я устраивала концерты: исполняла русские и украинские песни, частушки, рассказывала в лицах Муху — цокотуху Чуковского, играла на балалайке танцевальные мелодии. И ходячие раненые с удовольствием танцевали с медсестрами и санитарками — молодыми симпатичными девушками. Я знала по именам всех больных. Меня ждали, приветливо встречали, скучали без меня. Для маленькой, худенькой одиннадцатилетней девочки это было настоящим земным счастьем. Хотя бы на время я отвлекала бойцов от их физических страданий, от тоски по дому.

В сентябре 1943 года госпиталь переехал в Курск, а в школе после двухлетнего перерыва начались занятия.

«Городские известия», 2005г., 12 апреля

Н.С. Кропачёва¹

Трудное детство

Моё детство проходило в тяжёлых условиях: нечего было одеть, всегда голодная, вдоволь хлеба не ела. Бывало, пойдём с сестрой в поле, чтобы найти съедобную травку, тем и питались. Когда расцветала жёлтая акация, то ели эти цветочки. Использовали мы для еды и шляпки от подсолнуха, предварительно очистив их. Это первая еда была. Братишка, который был последним в семье, рос слабым и истощённым (корову — телушку родители отдали в колхоз). В детском саду, куда его определили, ему дали хлеба и у него случился

¹ Кропачёва Надежда Семёновна — род. 17 октября 1928г. в селе Николаевка Поспелихинского района Алтайского края в многодетной крестьянской семье. В 1946г. переехала в Борисоглебск Воронежской области, где и проживает в настоящее время. Труженик тыла, ветеран труда.